

10. Талмачова, С. А. Кадравы склад земскіх начальнікаў у Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях у 1903 г. / С. А. Талмачова // Беларусь у пачатку ХХ ст.: да 100-годдзя БДПУ : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: А. І. Андарала [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 246–253.

11. Талмачова, С. А. Падрыхтоўка распаўсюджання закона 1889 г. аб земскіх начальніках на беларускія губерні / С. А. Талмачова // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры : материалы V междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 мая 2012 г. / Беларус. гос. пед. ун-т ; редкол.: В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 163–166.

12. Талмачова, С. А. Увядзенне закона аб земскіх начальніках у Беларусі / С. А. Талмачова // Вес. БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2013. – № 4. – С. 11–15.

13. Токць, С. М. Беларуская вёска на мяжы эпох: змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства: на матэрыялах Гарадзеншчыны 19 – першай трэці 20 ст. / С.М. Токць. – Гродна : Гродзен. дзярж. ун-т, 2003. – 190 с.

14. Токць, С. М. Беларуская вёска ў эпоху зьменаў: другая палова ХІХ – першая траціна ХХ ст. / С. М. Токць. – Мінск : Тэхналогія, 2007. – 308 с.

15. Токць, С. М. Дзейнасць валасных судоў у беларускіх губернях у паслярэформенны перыяд (1861–1914 гг.): сацыяльна-культурныя аспекты / С. М. Токць // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканаміка. Права. – 2015. – № 2. – С. 15–19.

Федосик Виктор Анатольевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ АНТИЧНОГО ХРИСТИАНСТВА: ЗАПРЕЩЕННАЯ МОНОГРАФИЯ Г. М. ЛИВШИЦА

К проблеме, вынесенной в заглавие этого материала, вынудили обратиться легковесные и вульгарные оценки в ряде недавних публикаций в СМИ (в интернете) фундаментальной книги выдающегося белорусского историка Г.М. Лившица «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима», изданной в БГУ в 1957 г. В этих публикациях острой критике подвергалась марксистская методология белорусских советских историков. Критика, в общем, справедливая, но вот привлечение в качестве некоей иллюстрации названия указанной монографии Г.М. Лившица вызвало, мягко говоря, глубокое недоумение. Первая же реакция: а читали ли сами эти публицисты книгу Г.М. Лившица? А если хотя бы пролистали ее, то неужели могли принять религиозно-политические группировки саддукеев, фарисеев, zelотов, сикариев за «классы» в их марксистско-ленинской трактовке? Или хотя бы внимательно прочитали короткое предисловие к книге, неизбежно выполненное в виде необходимого тогда идеологического клише, но прямо указывающее на отход автора от вульгарных нивелирующих марксистских штампов: «Римская империя представляла собой конгломерат племен и народностей, стоявших на различных ступенях социально-экономического и политического развития, начиная от первобытно-общинного строя и кончая развитыми рабовладельческими отношениями. Поэтому при изучении истории провинций необходимо выяснить историческое своеобразие каждой провинции в отдельности, особенности ее экономики, социальных отношений, политического строя, культуры» [1].

Студентов-историков БГУ тех времен порой удивляло, как профессора Ф.М. Нечай и Г.М. Лившиц излагают историю античности: вместо привычной из школьных учебников главной линии борьбы рабов с рабовладельцами в их лекциях основное внимание отводилось борьбе демоса и аристократии, плебеев и патрициев, политических группировок римских граждан. Где восстания рабов, где их героические подвиги? И почему не обсуждается «животрепещущая» проблема: расшатывали или укрепляли восстания рабов рабовладельческий строй (по типу модной тогда схоластической проблемы о роли крестьянских войн в судьбах феодализма в России)? Это потом (да и не у всех) начинало приходить понимание, что люди античности были другими, не такими, как мы, а рабы в Афинском полисе или Римской республике были для граждан Афин и Рима чужеземцами, варварами из других обществ, ибо своих сограждан обращать в рабство было запрещено. И преподавание античной истории в БГУ не скатывалось к примитивным марксистским схемам с их модернизацией прошлого по модели индустриального общества. Это одна из характерных черт белорусской научной школы антиковедения. Но в те годы, когда еще изживался вульгарный тезис Сталина о гибели Римской империи в результате «революции рабов и колонов» (подкреплявшийся порой откровенными заказными фальсификациями типа превращения дворцового переворота Савмака в Боспорском царстве в «восстание рабов на территории СССР»), основные положения теории формации были непоколебимыми для советских историков (в том числе, и наличие двух обязательных антагонистических классов в «рабовладельческой формации»). Отрицание этого идеологического постулата в те времена означало конец научной работы и карьеры, да и не только научной. Можно понять, к примеру, позицию многих советских писателей в истории с романом Б. Пастернака: не читал, но осуждаю. Но это объяснялось, прежде всего, страхом лишиться всего в условиях тогдашней советской системы. Но теперь-то зачем осуждать, не читая? Только из-за недосуга хотя бы заглянуть в книгу? Или ради хлесткой фразы? Или же и из-за отсутствия представления, в каких условиях в советское время создавали свои труды историки? Точнее, из-за нежелания понимать эти условия.

При этом обвинители книги Г.М. Лившица явно не знают, что у монографии была необычайно трудная судьба. В тисках цензуры (и не только Главлита) она была лишена своего первоначального названия «Иудея и Рим» [2, с. 23]. Из монографии была вырезана целиком глава «Еврейская диаспора в свете взаимоотношений Иудеи с Римом», впервые опубликованная лишь в 2009 г. в нашем юбилейном издании к 100-летию Г.М. Лившица [3, с. 92 – 134]. Издание монографии многократно откладывалось, ее не раз обсуждали, в том числе, и в Московском университете (где она получила очень хорошие отзывы), а когда она была, наконец, издана, то почти весь ее тираж был уничтожен. Помню, как в аспирантские годы я в беседе с Г.М. Лившицем, что читал эту ее книгу. Глаза у него загорелись и он сразу спросил, где я ее взял. После ответа, что взял я ее в нашей главной библиотеке, глаза Г.М. Лившица как-то сразу потухли. Я тогда не знал сложной истории книги и того, что сохранилась она только в библиотеках и в виде авторских экземпляров, подаренных Г.М. Лившицем коллегам. Теперь и у меня есть экземпляр книги,

равно как и в кабинете нашей кафедры; обе с дарственными надписями автора. Монография волею судеб стала раритетом.

Почему так произошло? Обычно называют в качестве главного один загадочный фактор. Главный биограф Г.М. Лившица М.Б. Ботвинник скрыл его под обтекаемыми фразами об обвинениях (в частности, профессора И.В. Гуторова) в том, что книга «может вызвать международные осложнения», об экспертизе монографии в Министерстве иностранных дел СССР [4, с. 11]. Возможно, ключ к разгадке, был изложен полвека тому назад в беседе с тогдашним главным редактором издательства «Наука и техника» Н.М. Акаловичем, который сообщил, что едва ли не весь тираж книги Г.М. Лившица был заказан Израилем, и поэтому книга пошла «под нож». Это весьма вероятно, учитывая Суэцкий кризис 1956 г. и в результате резкое обострение отношений между СССР и Израилем. Маловероятно, что в те годы сказалась «борьба с космополитизмом», волна которой спала.

Но, на мой взгляд, был и еще важный фактор, сделавший монографию Г.М. Лившица опальной. Он связан с монополией в советском христиановедении так называемой «мифологической школы». В своих главных трудах по истории раннего христианства Г.М. Лившиц выступает приверженцем этой школы. Однако эти труды вышли после интересующей нас монографии. А вот в монографии об Иудее под властью Рима содержится уникальный для того времени материал источников, напроочь игнорировавшийся представителями «мифологической школы». Для того, чтобы разобраться в этом парадоксе, обратимся к творчеству Г.М. Лившица и к состоянию современных ему советских исследований в области истории первоначального христианства.

Профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Г.М. Лившиц в 1970-х гг. был одним из трех ученых в СССР, имевшим сразу две ученых степени доктора наук: исторических и философских. Он издал за свою жизнь около 30 монографий, и маловероятно, что это уникальное научное достижение будет превзойдено нашими историками или философами, по крайней мере, в обозримом будущем. Свою научную деятельность Г.М. Лившиц начал с исследований позднеимператорского Рима в кульминационный период гражданских войн I в. до н.э., завершившийся установлением принципата Августа. В 1939 г. он защитил первую в Беларуси кандидатскую диссертацию по специальности «всеобщая история» на тему «Социально-политическая борьба 60-х гг. I в. до н.э. в Риме и заговор Катилины» (в 1960 г. была издана соответствующая монография).

Продолжая в первые послевоенные годы заниматься проблематикой социально-политической борьбы в Римской республике I в. до н.э., Г.М. Лившиц начинает исследовать и проблематику истории религий, прежде всего, христианства и иудаизма. Поначалу это были преимущественно публицистические, научно-популярные статьи, брошюры, книги. Они были написаны с атеистических позиций, но и здесь ученому приходилось порой испытывать недовольство советской цензуры. Недавно профессор А.А. Гужаловский обнаружил архивные данные о том, что в 1962 г. начальник Главлита БССР вернул на доработку книгу Г.М. Лившица «Происхождение и сущность иудейских и христианских религиоз-

ных праздников» поскольку в ней «реакционная сущность» религиозных праздников излагается мимоходом, общо, без острой публицистики, а изложение самих праздников носит «описательный характер» [5]. Очевидно это был далеко не единичный случай. Еще когда я опубликовал свою аспирантскую статью в «Вестях АН БССР» о раннехристианских обрядах крещения и причащения по данным первоисточников, Г.М. Лившиц остудил мою радость по поводу этой важной для меня публикации предостережением, что из-за отсутствия в заглавии слов о критике религиозной сущности или богословских взглядов я вполне могу нарваться на запрет печататься на несколько лет, ссылаясь на свой опыт.

Обращаясь к проблематике истории христианства и иудаизма, Г.М. Лившиц действовал в русле нашей университетской научной школы истории античного христианства, заложенной академиком Н.М. Никольским. Следует отметить, что Н.М. Никольский наиболее яркие свои труды по истории первоначального христианства создал на начальных этапах своей научной деятельности, в дальнейшем же больше внимания уделял исследованию иудаизма, а затем Русской православной церкви. Очевидно, в немалой степени это можно объяснить возмущением, а затем полным доминированием в советском христиановедении постулатов «мифологической школы». Краеугольный камень в построениях этой школы – отрицание историчности Иисуса. Н.М. Никольский в изданной еще в 1918 г. книге «Иисус и первые христианские общины» по сути разгромил многие положения «мифологической школы». Позднее об этой поначалу весьма известной книге академика предпочитали не упоминать, так что о ней нет ни слова даже в «Беларускай гістарычнай энцыклапедыі». Сам же Н.М. Никольский предпочел молчание вместо принятия постулатов чуждой ему «мифологической школы».

Г.М. Лившиц принял лидерство от Н.М. Никольского в отечественной школе истории античного христианства в 1960-е гг. Это было время нового мощного натиска агрессивной атеистической пропаганды (и не только пропаганды). «Религиозные предрассудки» объявлялись вредным пережитком, препятствующим деятельности строителей коммунизма. Снова (как и 1930-е гг.) поднялась волна пропаганды положений «мифологической школы», правда без многих прежних вульгаризмов.

Основные положения «мифологической школы» более полувека господствовали в советском религиоведении и превратились в устойчивые штампы массовой пропаганды. Они определяли не только направления и характер исследований по истории христианства. Негативно отразились они даже в литературе. Одна из главных причин долгого запрета знаменитого романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» заключалась именно в категорическом неприятии автором постулатов этой школы. В начале романа редактор журнала Михаил Берлиоза излагает поэту Ивану Бездомному основную суть постулатов «мифологической школы» для того, чтобы доказать, что «Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф» [6, с. 284.].

На долгие десятилетия вопрос об историчности Иисуса превратился в своего рода тест на лояльность коммунистической

идеологии, точнее атеизму как ее составной части. Признание историчности Иисуса для любого ученого, писателя, публициста влекло за собой, в лучшем случае, лишение своей любимой работы. Именно в такой ситуации оказался профессор Г.М. Лившиц. И вплоть до середины 1980-х гг. в СССР господствовали и пропагандировались взгляды так называемой «мифологической школы» при освещении раннего христианства. Цель такой пропаганды была предельно ясна – доказать несуществование Иисуса, и тогда верующие люди, якобы, перестанут верить в Бога. Правда, методы достижения этой цели уже тогда порождали сомнения даже у атеистов. Достаточно было познакомиться с возникновением самой «мифологической школы» и оказывалось, что среди ее основателей – много искренне верующих христианских богословов и священников. Действительно, профессор лютеранской семинарии в Амстердаме А. Ломан, пастор из Бремена А. Кальтгоф, профессор теологии Утрехтского университета Г. ван ден Берг ван Эйсинга, бременгафский пастор Г. Рашке и многие другие вовсе не были атеистами, а искренне верили в Бога. Между тем, именно Г.М. Лившиц добросовестно указал на это обстоятельство в своем капитальном труде по историографии раннего христианства [7, с. 140 – 170.]. Но в своих богословских изысканиях эти теологи стремились «очистить» христианство от ряда положений, представлявшихся им противоречивыми, или просто мифами, заимствованными из других более ранних религий. В разряд таких «мифов» был зачислен и «миф» о земной жизни Иисуса Христа, его казни и воскресении. То есть, утверждалось, что никакой земной жизни Иисуса Христа, изложенной в Евангелиях Нового завета, якобы, на самом деле, не было, и вся она – это созданный христианами «миф». Главным доказательством основного положения «мифологической школы» являлось нанизывание аргументов из мифов об умирающих и воскресающих богах самых разных народов со всех концов Земли на идею, что все это и явилось основой для создания «евангельского мифа» об Иисусе Христе. Вот откуда в речи Михаила Берлиоза к Ивану Бездомному звучали слова и «про египетского бога Озириса, благостного бога и сына Неба и Земли, и про финикийского бога Фаммуза, и про Мардука, и даже про менее известного грозного бога Вицлипуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике» [6, с. 285]. В романе М. Булгакова атеист М. Берлиоз всего лишь излагал основные положения востребованных в советских издательствах в те годы книг Н. А. Куна, А.Б. Рановича, Н.В. Румянцева [8, с. 45, 53, 56 – 57; 9, с. 54; 10, с. 39 – 40, 72]. Именно против таких положений выступил еще ранее Н.М. Никольский в своей книге в 1918 г.

Второй основополагающий постулат «мифологической школы» заключался в искажении датировки книг Нового завета. Дескать, если расположить книги Нового завета не в их обычном порядке, а по времени, якобы, их написания, то получается потрясающая вещь – первые христиане создавали свой образ Христа «от Бога – к человеку». Представители «мифологической школы» поясняли: если бы Иисус существовал в действительности, то его образ создавался бы «от человека – к Богу», то есть, реальная его жизнь с течением времени

обрастала бы все большим количеством преданий, легенд, мифов, и в результате он бы был обоготворен. А в Новом завете, якобы, все обстоит как раз наоборот. Вначале христиане считали Иисуса Христа только Богом, и лишь затем принялись создавать ему биографию человека жившего на земле, распятого и воскресшего. С этой целью самой ранней книгой Нового завета объявлялось «Откровение святого Иоанна Богослова», написанная в 68–69 гг.; затем следовали послания апостола Павла, написанные разными людьми, начиная с конца I в. и заканчивая серединой II в., и только затем были написаны Евангелия – около середины II в., а последняя по времени написания книга Нового завета – «Деяния святых апостолов» [11, с. 20 – 21, 24, 28, 143; 12, с. 32; 13, с. 256–258; 14, с. 44, 86;]. И следовал вывод: в «Откровении Иоанна» Иисус Христос изображен фантастическим божественным существом, в посланиях Павла он уже постепенно приобретает человеческие черты, и, наконец, только в Евангелиях появляется его земная биография. Таким образом, с ног на голову переворачивалась новозаветная хронология. А то, что в жанре апокалиптики вообще не бывает реальных образов (кстати, в своей главной монографии «Происхождении христианства в свете рукописей Мертвого моря» Г.М. Лившиц уделил много внимания жанру апокалиптики в иудаизме и христианстве [15, с. 109 – 130]), и то, что самый ранний из найденных фрагментов «Евангелия от Иоанна» на несколько десятилетий старше даты, насаждавшей «мифологической школой», а в посланиях Павла нет ни одной реалии конца I в. и тем более II в. – эти да и многие другие аргументы в расчет просто не брались.

Но оставалось еще одно объективное препятствие для «мифологической школы» – свидетельства античных нехристианских авторов Иосифа Флавия, Тацита, Светония, Плиния Младшего, которые в I – начале II в. писали об Иисусе и христианах. И тогда был выдвинут третий постулат «мифологической школы»: «молчание века». «Молчание века» – это утверждение о том, что, якобы, никто из нехристианских авторов до создания Евангелий (по датировке их этой школой) ничего о Христе и христианах не писал и не знал. Соответствующие места в труды Иосифа Флавия, Тацита, Светония и Плиния Младшего внесли, якобы, гораздо позднее христианские переписчики, например, где-то в средние века [11, с. 17; 16, с. 145–146; 12, с. 33 – 34; 17, с. 447; 14, с. 44.].

На фоне отрицания историчности Иисуса «мифическими» фигурами объявлялись и Дева Мария, и Иоанн Креститель, и многие другие персонажи Нового завета (например, у Н.В. Румянцева: «Иоанн Креститель – сказочная личность», «мифический апостол Павел» [14, с. 85, 86.]). Сложнее было с Понтием Пилатом. Дело в том, что «доказательства» приверженцев «мифологической школы» приводили к парадоксальным результатам. Коль Иисуса не существовало, а книги Нового завета были написаны в период с конца 60-х годов I в. до конца II в., то, получалось, что нет оснований утверждать, что христианство возникло в Палестине в начале I века. Поэтому родиной христианства назывались Малая Азия, Египет, Рим и т.д., точнее иудейские общины этих мест, но никак не Палестина [11, с. 126–129; 12, с. 36–37; 18, с. 76–78.]. А о наместнике Иудеи Понтии Пилате при римском императоре

Тиберии (14–37 гг.) предпочитали вообще не говорить. А если все же фигура Пилата всплывала в трудах представителей «мифологической школы», то в интерпретации, мягко говоря, удивительной. Советский историк Р.Ю. Виппер утверждал, что авторы новозаветных Евангелий, закончившие их написание где-то в 160–170-х гг., при создании биографии Иисуса сознательно решили отнести его проповеди и казнь к временам Понтия Пилата. Ибо они, мол, хорошо знали о деятельности наместника Иудеи из книг Иосифа Флавия, который описал особую враждебность прокуратора к иудейской традиции, и решили показать Пилата как человека, сочувствовавшего проповедям Иисуса в противовес фанатизму иудеев. [11, с. 233.].

И только в 1970–1980-е гг. ряд советских ученых осмелились бросить вызов насаждавшимся пропагандой идеям «мифологической школы». Среди них были М.М. Кубланов, И.С. Свенцицкая, С.С. Аверинцев, А.Ч. Козаржевский и другие. Почти все они были антиковедами. А уже в 1990-е гг. о «мифологической школе» вспоминали как о некоем абсурде.

Следует понимать, что для советских историков существовала область исследований, для которой многие из тенденциозных положений «мифологической школы» сразу же стали не просто неприемлемыми, а откровенно абсурдными. Это – история Римской империи и, в первую очередь, Иудеи под владычеством Рима. Именно здесь остро столкнулись профессионализм историков-антиковедов и установки пропагандистов атеизма. В погоне за аргументами для доказательства мифичности Иисуса «мифологическая школа» фальсифицировала или замалчивала сведения важнейших исторических источников по истории Иудеи I в. н.э. Антиковедам из нехристианских античных источников были известны, например, имена и деяния римских наместников Иудеи, в том числе и Понтия Пилата, целых 10 лет (с 26 г. по 36 г.) управлявшего вверенной ему императором территорией. Поэтому-то Р.Ю. Виппер и пытался примирить взгляды самых радикальных коллег по «мифологической школе» с общеизвестными фактами. Но ведь, более того, и сами книги Нового завета для историков являются важными источниками по истории Палестины I в. н. э. В «Деяниях святых Апостолов», например, повествуется о таких прокураторах Иудеи, как Антоний Феликс, Порций Фест (правивших после Понтия Пилата), о лидерах массовых религиозных движениях Февде и некоем лжепророке – египтянине, подавленном силой римского оружия. И в Евангелиях говорится о наследниках Ирода I – четверовластниках (тетрархах), на допрос к одному из которых отправлял Пилат арестованного Иисуса, ибо обвиняемый как уроженец Галилеи был подданным тетрарха. Исказить историю Римской империи (пусть и ее маленькой провинции) в угоду фальсификациям «мифологической школы» все же было делом для науки невозможным. Фальсификации ради объявления Иисуса «мифом» рассыпались при соприкосновениях с реалиями истории. А главные из этих реалий содержались как раз в трудах тех самых древних историков, на которые было наложено «молчание века».

В советское время из вышеназванных древних авторов издавался лишь Тацит. Не издавать его в угоду идеям «мифологической школы» было просто невозможно, ибо «Анналы» Тацита – важнейший источник по ранней Римской империи. Труды Иосифа Флавия (хронологически

первым из нехристианских авторов написавшим об Иисусе, Иоанне, брате Иисуса Иакове и первых христианах) в СССР не издавались. А с дореволюционными изданиями трудов Иосифа Флавия можно было ознакомиться лишь в нескольких библиотеках огромного Советского Союза. Так сложилась судьба, что мне вместе с К.А. Ревяко довелось стать издателями первого и, как оказалось последнего, в СССР издания книги Иосифа Флавия «Иудейская война». Было это как раз в 1991 г. В предисловии к этому изданию мы особенно отметили, что при подготовке комментариев и вводной статьи были использованы, прежде всего, труды профессора Г.М. Лившица по истории античной Иудеи, которые «до сих пор не имеют себе равных в нашей исторической науке» [19, с. 28]. А через три года вышли подготовленные нами в двух томах «Иудейские древности» Иосифа Флавия. Оба издания разошлись тиражом, превышающим 100 тысяч, не только на постсоветском пространстве.

Кстати, уже тогда нам задавали вопросы о том, действительно ли книга Г.М. Лившица с «классовой борьбой» в заглавии является лучшей по истории античной Иудеи на то время. Но достаточно было лишь бегло ознакомить интересующихся с содержанием книги и такие вопросы сразу отпадали.

В книге Г.М. Лившица социально-политическая история римской Иудеи вовсе не излагается в строгом русле господствовавшей в то время марксистской парадигмы классовой борьбы рабов и рабовладельцев. История римской Иудеи (как и эллинистической) исследована Г.М. Лившицем на огромной базе античных исторических источников. Среди них использованы и труды Иосифа Флавия (как главный источник), Филона Александрийского, Тацита, Светония и даже «Деяния святых апостолов», «Церковная история» Евсевия (правда, все ссылки на эти труды даны в латинских сокращениях, понятных только специалистам). Для исследователей раннего христианства особенно важны две главы монографии: 6-я (об Иудее при Ироде и его преемниках) и 7-я (о превращении Иудеи в римскую провинцию и борьбе против римского владычества) [1, с. 179 – 231].

В этих главах дан детальнейший анализ социальной и политической ситуации в Иудее, исследованы основные религиозно-политические группировки (саддукеи, фарисеи, zeloty, сикарии), выявлены интересы каких слоев общества они выражали, какова была их позиция в отношении римского господства и союзнических отношений Иродовой династии с Римом. Много внимания уделено восстаниям и движениям в Иудее, направленным как против римских властей, так и против верхушки иудейского общества: движения Иуды Галилеянина и его сыновей, восстание пастуха Афронга, провозгласившего себя царем, восстание под предводительством раба Ирода Симона, восстания самаритян и жителей Иерусалима, массовые движения пророков и мессий: Февды и некоего выходца из Египта и др. Г.М. Лившицем был собран и исследован уникальный материал разнообразных источников по деятельности каждого римского наместника Иудеи, в том числе и Понтия Пилата и всех тех, о которых содержатся упоминания в Новом завете. Он дает уникальный и детальный материал и о тетрархах (наследниках Ирода I), о которых имеются лишь отдельные упоминания в Евангелиях. Г.М. Лившиц в

этой своей книге избегал сюжетов об Иисусе Христе и первых христианах. Возможно, сознательно, а, может быть, под давлением. Во всяком случае, он понимал, чем грозит открытое столкновение с постулатами «мифологической школы».

Но ведь для любого пытливого человека, интересовавшегося не только источниками исторических реалий изложенных в исключительно популярном с 1960-х годов романе М. Булгакова, но и желавшего узнать больше о многих персонажах новозаветных книг и обстановке, в которой они жили, книга Г.М. Лившица давала такой уникальный материал, который нигде больше в СССР найти было невозможно. Это была по сути обширнейшая энциклопедия исторических реалий родины христианства и условий, в которых христианство зародилось и делало свои первые шаги. В тех условиях, в которых создавалась и издавалась монография Г.М. Лившица, это был явный, хотя и скрытый, вызов пропаганде антинаучных положений под видом научного атеизма.

Г.М. Лившиц вынужден был примкнуть к «мифологической школе» в своих исследованиях по истории раннего христианства. Его книге об античной Иудее не позволили стать основой докторской диссертации. По его словам, в самых высоких инстанциях ему было настоятельно рекомендовано заняться исследованием кумранских рукописей, открытие которых стало тогда огромной сенсацией. Только это открывало дорогу ученому к защите докторской диссертации. С этим Г.М. Лившиц справился блестяще. Но все же его несомненный огромный вклад в кумрановедение не должен заслонять и то, что он сделал для исследования реальных исторических условий, в которых возникло христианство. Причем, сделал в исключительно сложных для него и исторической науки условиях. И это был один из важнейших этапов в развитии белорусской научной школы античного христианства.

Библиографические ссылки

1. Лившиц Г.М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. К проблеме социально-экономического строя римских провинций / Г.М. Лившиц – Минск: Изд-во Белгосуниверситета им. В.И. Ленина, 1957. – 436 с.
2. Ботвинник М.Б. Античный Рим и провинции в трудах Г.М. Лившица / М.Б. Ботвинник // Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол.: В.А. Федосик (отв. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2009. – С. 23 – 47.
3. Лившиц Г.М. Еврейская диаспора в свете взаимоотношений Иудеи с Римом / Г.М. Лившиц // Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол.: В.А. Федосик (отв. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2009. – С. 92 – 134.
4. Ботвинник М.Б. Человек, исследователь, педагог / М.Б. Ботвинник // Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол.: В.А. Федосик (отв. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2009. – С. 9 – 22.
5. Гужалоўскі А. Галоўліт БССР і палітычны кантроль у 1943-1991 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2012. Т. 19. Сш. 1 – 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belhistory.eu/guzaloski-alyaksandr-galo%D1%9Elit-bssr-ipalitychny-kantrol-u-1943-1991-g/>. – Дата доступа: 2.02. 2019.
6. Булгаков М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков // Избранные произведения. – Т. 1. – Минск.: Мастацкая літаратура, 1990. – С. 281 – 665.
7. Лившиц Г.М. Очерки историографии Библии и раннего христианства / Г.М. Лившиц – Минск: Вышэйшая школа, 1970. – 408 с.
8. Кун Н.А. Предшественники христианства / Н.А. Кун – Москва: «Мир», 1922. – 161 с.

9. Ранович А.Б. Происхождение христианских таинств / А.Б. Ранович – Москва, Ленинград: ОГИЗ – Московский рабочий, 1931. – 216 с.
10. Румянцев Н.В. Дохристианский христос / Н.В. Румянцев – Москва: Атеист, 1926. – 108 с.
11. Виппер Р.Ю. Возникновение христианской литературы / Р.Ю. Виппер – Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1946. – 287 с.
12. Ковалев С.И. Основные вопросы происхождения христианства / С.И. Ковалев – Москва: Наука, 1964. – 258 с.
13. Ранович А.Б. О раннем христианстве / А.Б. Ранович – Москва: Изд-во АН СССР, 1959. – 524 с.
14. Румянцев Н. Православные праздники, их происхождение и сущность / Н. Румянцев – Москва: Государственное антирелигиозное издательство, 1936. – 448 с.
15. Лившиц Г.М. Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря / Г.М. Лившиц – Минск: Вышэйшая школа, 1967. – 320 с.
16. Каждан А.П. От Христа к Константину / А.П. Каждан – Москва: Знание, 1965. – 308 с.
17. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства / А.Б. Ранович – Москва: Политиздат, 1990. – 479 с.
18. Рожицын В., Жаков М. Происхождение священных книг / В. Рожицын, М. Жаков – Ленинград: Прибой, 1925. – 144 с.
19. Ревяко К.А., Федосик В.А. Предисловие / К.А. Ревяко // Иосиф Флавий. Иудейская война. – Минск: Беларусь, 1991. – С. 3 – 28.

Ханкевич Ольга Ивановна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ПОЛИСНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ОЦЕНКАХ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

Греческий классический полис и римская республиканская *civitas* второй половины I тыс. до н. э. (эпоха классической античности) являлись по своему устройству гражданской общиной, конституировавшей себя в качестве государства, или города-государства (совр. полисное государство). В рамках этого государства сформировались такие важнейшие составляющие демократии как выборная форма власти (лат. *res publica*), институт гражданства (греч. *πολίτης*, лат. *civis*) и гражданское право (лат. *ius civile*). Историко-политическая мысль нового и новейшего времени постоянно обращается к греко-римским истокам демократии, главные принципы и институты которой неизменно воспроизводятся и в современном мире. «В истории государства возврат политических форм в исходное состояние..., – отмечает И. А. Исаев, – не редкость. Наполненные новым содержанием, эти формы способны чередоваться и повторяться по своим собственным законам» [1, с. 3]. Исторические разновидности государства описали в IV в. до н. э. Платон и Аристотель (Стагирит), положив в основу своей классификации определённые формы власти. Сам термин государство ещё не был известен, и перевод трудов античных авторов с использованием этого слова является, по сути, модернизацией (в оригинале *πολιτεία* у греков и *res publica* у римлян). Тем не менее, обращение к вопросам государственного устройства стало с эпохи Платона и Аристотеля общепринятым при рассмотрении различных политических режимов. Существует, однако, проблема соответствия выработанных в античности лексико-концептов республика, демократия, гражданин и народ их современным аналогам, что и станет одним из аспектов нашего